

МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

Мне нравится, что Вы
больны не мной...

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ц27

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы фрагменты работы художника *Эдварда Роберта Хьюза*

Цветаева, Марина Ивановна.

Ц27 Мне нравится, что Вы больны не мной... / Марина Цветаева. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

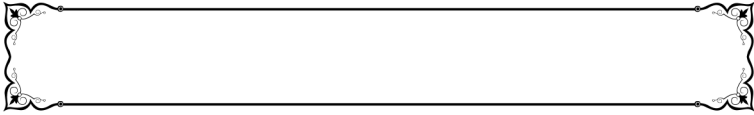
ISBN 978-5-04-170083-6

«Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед...» Эти слова совсем еще юной Марины Цветаевой оказались пророческими. Ее творчество стало крупнейшим и самобытнейшим явлением русской литературы XX века, величие и трагедию которого она так талантливо выразила в своих произведениях. Предельная искренность, высокий романтизм, глубокий трагизм лирики отличают стихотворения, поэмы и прозу М.И. Цветаевой, вошедшие в эту книгу.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-170083-6

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

О ЛЮБВИ

(Из дневника)

1917 г.

Для полной согласованности душ нужна согласованность дыхания, ибо, что — дыхание, как не ритм души?

Итак, чтобы люди друг друга понимали, надо, чтобы они шли или лежали рядом.

Благородство сердца — органа. Неослабная настороженность. Всегда первое бьет тревогу. Я могла бы сказать: не любовь вызывает во мне сердцебиение, а сердцебиение — любовь.

Сердце: скорее орган, чем орган.

Сердце: лот, лаг, отвес, силомер, реомюр — всё, только не хронометр любви.

«Вы любите двоих, значит, Вы никого не любите!» — Простите, но если я, кроме Н., люблю еще Генриха Гейне, Вы же не скажете, что я того, первого, не люблю. Значит, любить одновременно живого и мертвого — можно. Но представьте себе, что Генрих Гейне ожил и в любую минуту может войти в комнату. Я та же, Генрих Гейне — тот же, вся разница в том, что он *может войти в комнату*.

Итак: любовь к двум лицам, из которых каждое в любую минуту может войти в комнату, — не любовь. Для того, чтобы одновременная моя любовь к двум лицам была любовью, необходимо, чтобы одно из этих лиц родилось на сто лет раньше меня, или вовсе не рождалось (портрет, поэма). — Не всегда выполнимое условие!

И все-таки Изольда, любящая еще кого-нибудь, кроме Тристана, немислима, и крик Сары (Маргариты Готье) — «О, л'Амур! л'Амур!», относящийся еще к кому-нибудь, кроме ее молодого друга, — смешон.

Я бы предложила другую формулу: женщина, не забывающая о Генрихе Гейне в ту минуту, когда входит ее возлюбленный, любит только Генриха Гейне.

«Возлюбленный» — театрально, «любовник» — откровенно, «друг» — неопределенно. Нелюбовная страна!

Каждый раз, когда узнаю, что человек меня любит — удивляюсь, не любит — удивляюсь, но больше всего удивляюсь, когда человек ко мне равнодушен.

Старики и старухи.

Бритый стройный старик всегда немножко старинен, всегда немножко маркиз. И его внимание мне более лестно, больше меня волнует, чем любовь любого двадцатилетнего. Выражаясь преувеличенно: здесь чувство, что меня любит целое столетие. Тут и тоска по его двадцати годам, и радость за свои, и возможность быть щедрой — и вся невозможность. Есть такая песенка Беранже:

...Взгляд твой зорек...
Но тебе двенадцать лет,
Мне уж сорок.

Шестнадцать лет и шестьдесят лет совсем не чудовищно, а главное — совсем не смешно. Во всяком случае, менее смешно, чем большинство так называемых «равных» браков. Возможность настоящего пафоса.

А старуха, влюбленная в юношу, в лучшем случае — трогательна. Исключение: актрисы. Старая актриса — мумия розы.

— ...И была промеж них такая игра. Он ей поет — ее акkurat Марусей звали — «Маруся ты, Маруся, закрой свои глаза», а она на постелю ляжет, простынею себя накроет — как есть покойница.

Он к ней: «Маруся! Ты не умри совсем! Маруся! Ты взаправду не умри!» — Каждый раз до слез доходил. — На одной фабрике работали, ей пятнадцать годочков было, ему шестнадцать...

(Рассказ няньки.)

— А у меня муж, милые: бы-ыл!!! Только и человецкого, что обличие. Ничего не ел, всё пил. Подушку мою пропил, одеяло с девками прогулял. Всё ему, милые, скушно: и работать скушно, и со мной чай пить скушно. А собой хорош, как демон: волосы кучерявые, брови ровные, глаза синие... — Пятый год пропадает!

(Нянька — подругам.)

Первый любовный взгляд — то кратчайшее расстояние между двумя точками, та божественная прямая, которой нет второй.

Из письма:

«Если бы Вы сейчас вошли и сказали: «Я уезжаю надолго, навсегда», — или: «Мне кажется, я Вас больше не люблю», — я бы, кажется, не почувствовала ничего нового: каждый раз, когда Вы уезжаете, каждый час, когда Вас нет — Вас нет навсегда и Вы меня не любите».

В моих чувствах, как в детских, нет степеней.

Первая победа женщины над мужчиной — рассказ мужчины о его любви к другой. А окончательная ее победа — рассказ этой другой о своей любви к нему, о его любви к ней. Тайное стало явным, ваша любовь — моя. И пока этого нет, нельзя спать спокойно.

Все нерассказанное — непрерывно. Так, непокаянное убийство, например, — *длится*. То же о любви.

Вы не хотите, чтобы знали, что вы такого-то любите? Тогда говорите о нем: «я его обожаю!» Впрочем, некоторые знают, что это значит.

Рассказ.

— Когда мне было восемнадцать лет, в меня был безумно влюблен один банкир, еврей. Я была замужем, он женат. Толстый такой, но удивительно трогательный. Мы почти никогда не оставались одни, но когда это случалось, он мне говорил только одно слово: «Живите! Живите!» — И никогда не целовал руки. Однажды он устроил вечер, нарочно для меня, назвал прекрасных танцоров — я тогда страшно любила танцевать! Сам он не мог танцевать, потому что был слишком толст. Обыкновенно он на таких вечерах играл в карты. В этот вечер он не играл.

(Рассказчице тридцать шесть лет, пленительна.)

— «Только живите!» Я уронила руки,
Я уронила на руки жаркий лоб...
Так молодая Буря слушает Бога
Где-нибудь в поле, в какой-нибудь темный час.

И на высокий вал моего дыханья
Властная вдруг — словно с неба ложится длань.
И на уста мои чьи-то уста ложатся.
Так молодую Бурю слушает — Бог.

(Nachhall, отзвук.)

Гостиная — поле, вчерашняя смолянка — Буря, толстый банкир — Бог. Что уцелело? Да вот то одно слово, которое банкир говорил институтке и Бог в первый день — всему: «Живите!»

«Будь» единственное слово любви, человеческой и божеской. Остальное: гостиная, поле, банкир, институтка — частности.

Что же уцелело? — Всё.

Лучше потерять человека *всем собой*, чем удержать его какой-то своей сотой.

Полководец после победы, поэт после поэмы — куда? — к женщине. Страсть — последняя возможность человеку высказаться, как небо — единственная возможность *быть* — буре.

Человек — буря, страсть — небо, ее растворяющее.

О, поэты, поэты! Единственные настоящие любовники женщин!

Желание вглубь: вглубь ночи, вглубь любви. Любовь: провал во времени.

«Во имя свое» любовь через жизнь, «во имя твое» — через смерть.

«Старуха... Что я буду делать со старухой?!» — Восхитительная — в своей откровенности — формула мужского.

«Зачем старухи одеваются? Это бессмысленно! Я бы заказал им всем одинаковый... «юниформ», а так как они все богаты, я бы создал кассу, из которой бы одевал — и очень хорошо одевал бы! — всех молодых и красивых».

— Не мешай мне писать о тебе стихи!

— Помешай мне писать стихи о себе!

В промежутке — вся любовная гамма поэта.

Третье лицо — всегда отвод. В начале любви — от богатства, в конце любви — от нищеты.

История некоторых встреч. Эквилибристика чувств.

Рассказ юнкера: ...«объясняюсь ей в любви, конечно, напеваю...»

Любовность и материнство почти исключают друг друга. Настоящее материнство — мужественно.

Сколько материнских поцелуев падает на недетские головы — и сколько нематеринских — на детские!

Страстная материнская любовь — не по адресу.

Там, где я должна думать (из-за других) о поступке, сочинять его, он всегда нецелен — начат и не кончен — не объяснит не мой. Я точно запомнила А и не помню Б — и сразу, вместо Б — мои блаженные иероглифы!

Разговор:

Я, о романе, который хотела бы написать: «Понимаете, в сыне я люблю отца, в отце — сына... Если Бог пошлет мне веку, я непременно это напишу!»

Он, спокойно: «Если Бог пошлет вам веку, вы непременно это сделаете».

О Песни Песней:

Песнь Песней действует, на меня, как слон: и страшно и смешно.

Песнь Песней написана в стране, где виноград — с бульжник.

Песнь Песней: флора и фауна всех пяти частей света в одной-единственной женщине. (Неоткрытую Америку — включая.)

Лучшее в Песни Песней — это стих Ахматовой:

«А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песни Песней».

«Я бы никогда не мог любить танцовщицы, мне бы всегда казалось, что у меня в руках барахтается птица».

Вдова, выходящая замуж. Долго искала формулу для этой отворачивающей меня узаконенности. И вдруг — в одной французской книге, очевидно, женской (автора «*Amitié amoureuse*») — моя формула:

«*Le remariage est un adultère posthume*»².

— Вздохнула!

Раньше все, что я любила, называлось — я, теперь — вы. Но оно всё то же.

Жен много, любовниц мало. Настоящая жена от недостатка (любовного), настоящая любовница — от избытка. Люблю не жен и не любовниц — «*amougeuses*».

Как музыкант — меньше музыки! И как любовник — меньше любви!

(NB! «Любовник» и здесь и впредь как средневековое обширное «*amant*». Минуя просторечие, возвращаю ему первичный смысл. Любовник: тот, кто любит, тот, через кого явлена

¹ «Любовная дружба» (фр.).

² Второй брак — это посмертный адюльтер (фр.).

любовь, провод стихии Любви. Может быть, в одной постели, а может быть — за тысячу верст. — Любовь не как «связь», а как стихия.)

«Есть две ревности. Одна (наступательный жест) — от себя, другая (удар в грудь) — в себя. Чем это низко — вонзить в себя нож?»

(Бальмонт.)

Я должна была бы пить Вас из четвертной, а пью по каплям, от которых кашляю.

Как медленно сходятся с Вами такие-то! Они делают миллиметры там, где я делала — мили!

Зачем змей, когда Ева?

Любовь: зимой от холода, летом от жары, весной от первых листьев, осенью от последних: всегда — от всего.

Ночной разговор.

Павел Антокольский¹: — У Господа был Иуда. А кто же у Дьявола — Иуда?

Я: — Это, конечно, будет женщина. Дьявол ее полюбит, и она захочет вернуть его к Богу, — и вернет.

Антокольский: — А она застрелится. Но я утверждаю, что это будет мужчина.

Я: — Мужчина? Как может мужчина предать Дьявола? У него же нет никакого доступа к Дьяволу, он Дьяволу не нужен, какое дело Дьяволу до мужчины? Дьявол сам мужчина. Дьявол — это вся мужественность. Дьявола можно соблазнить только любовью, то есть женщиной.

Антокольский: — И найдется мужчина, который напишет себе честь этого завоевания.

Я: — И знаете, как это будет? Женщина полюбит Дьявола, а ее полюбит мужчина. Он придет к ней и скажет: — «Ты его любишь, неужели тебе его не жаль? Ведь ему плохо, верни его к Богу». — И она вернет...

Антокольский: — И разлюбит.

Я: — Нет, она не разлюбит. Она ее разлюбит, потому что теперь у него Бог, она ему больше не нужна. Не разлюбит, но бросится к тому.

Антокольский: — И, смотря в его глаза, увидит, что все те же глаза, и что она сама побеждена — Дьяволом.

Я: — Но был же час, когда Дьявол был побежден, — час, когда он вернулся к Богу.

Антокольский: — И предал его — мужчина.

¹ Поэт, ученик Студии Вахтангова. (Прим. М. Цветаевой.)

Я: — Ах, я говорю о любовной драме!

Антокольский: — А я говорю об имени, которое останется на скрижалях.

Я: — Женщина — одержимая. Женщина идет по пути вздоха (глубоко дышу). Вот так. И промахнулся Гейне с его «horizontales Handwerk»!¹ Как раз по вертикали!

Антокольский: — А мужчина хочет — так: (Выброшенная рука. Прыжок.)

Я: — Это не мужчина так, это тигр так. Кстати, если бы вместо «мужчины» было «тигр», я бы, может быть, и любила мужчин. Какое безобразное слово — мужчина! Насколько по-немецки лучше: «Mann», и по-французски: «Homme». Man, homo... Нет, у всех лучше...

Но дальше. Итак, женщина идет по пути вздоха... Женщина, это вздох. Мужчина, это жест. (Вздох всегда раньше, во время прыжка не дышат.) Мужчина никогда не хочет первый. Если мужчина захотел, женщина уже хочет.

Антокольский: — А что же мы сделаем с трагической любовью? Когда женщина — действительно — не хочет?

Я: — Значит, не она хотела, а какая-нибудь рядом. Ошибся дверью.

Я, робко: — Антокольский, можно ли назвать то, что мы сейчас делаем — мыслью?

Антокольский, еще более робко: — Это — вселенское дело: то же самое, что сидеть на облаках и править миром.

Я: — Два отношения к миру: любовное, материнское.

Антокольский: — И у нас два: любовное, сыновнее. А отцовского — нет. Что такое отцовство?

Я: — Отцовства, вообще, нет. Есть материнство: — Мария — Мать — большое М.

Антокольский: — А отцовство — большое О, то есть нуль, зеро.

Я, примиряюще: — А зато у нас нет дочернего.

Говорим о любви.

Антокольский: — Любить Мадонну — все равно, что застраховаться от кредиторов. (Кредитора — женщины.)

Говорим о Иоанне д'Арк, и Антокольский, внезапным взрывом:

— А королю совсем не нужно царства, он хочет то, что больше царства — Иоанну. А Вам... А ей до него нет никакого дела: — «Нет, ты должен быть королем! Иди на царство!» — как говорят: «Иди в гимназию!»

¹ Горизонтальным ремеслом (нем.).

Насыщенный раствор. Вода *не может* растворить больше.
Таков закон. Вы — насыщенный мною раствор.
Я — не бездонный чан.

Нужно научиться (мне) подходить к любовному настоящему человека, как к его любовному прошлому, то есть — со всей определенностью и страстностью творчества.

Соперник всегда — или Бог (молишься!) — или дурак (даже не презираешь).

Предательство уже указывает на любовь. Нельзя предать знакомого.

1918 г.

Суд над адмиралом Щастным. Приговор произнесен. Подсудимого уводят. И, уходя, вполоборота, в толпу: «Вы придете?»
Женское: — Да!

Я не любовная героиня, я никогда не уйду в любовника, всегда — в любовь.

«Вся жизнь делится на три периода: предчувствие любви, действие любви и воспоминание о любви».

Я: — Причем середина длится от 5-ти лет до 75-ти, — да?

Письмо:

«Милый друг! Когда я, в отчаянии от нищенства дней, задушенная бытом и чужой глупостью, вхожу, наконец, к Вам в дом, я всем существом в праве на Вас. Можно оспаривать право человека на хлеб (дед не работал, значит — внук не ешь!) — нельзя оспаривать право человека на воздух. Мой воздух с людьми — восторг. Отсюда мое оскорбление.

Вам жарко. Вы раздражены. Вы «измучены», кто-то звонит, Вы лениво подходите: «Ах, это Вы?» И жалобы на жару, на усталость, любование собственной ленью, — да восхищайтесь же мной, я так хороша!

Вам нет дела до меня, до моей души, три дня — бездна (не для меня — без Вас, для меня — с собой), одних снов за три ночи — тысяча и один, а я их и днем вижу!

Вы говорите: «Как я могу любить Вас? Я и себя не люблю». Любовь ко мне входит в Вашу любовь к себе. То, что Вы называете любовью, я называю хорошим расположением духа (тела). Чуть Вам плохо (нелады дома, жара, большевики) — я уже не существую.

Дом — сплошной «нелад», жара — каждое лето, а большевики только начинаются!

Милый друг, я не хочу так, я не дышу так. Я хочу такой скромной, убийственно-простой вещи: чтобы, когда я вхожу, человек радовался».

Тут, дружок, я заснула с карандашом в руке. Видела страшные сны, — летела с нью-йоркских этажей. Просыпаюсь: свет горит. Кошка на моей груди делает верблюда. (Аля, двух лет, говорила: горблюд!)

Любить — видеть человека таким, каким его задумал Бог и не осуществили родители.

Не любить — видеть человека таким, каким его осуществили родители.

Разлюбить — видеть вместо него: стол, стул.

Семья... Да, скучно, да, скучно, да, сердце не бьется... Не лучше ли: друг, любовник? Но, поссорившись с братом, я все-таки вправе сказать: «Ты должен мне помочь, потому что ты мой брат... (сын, отец...)» А любовнику этого не скажешь — ни за что — язык отрежешь.

В крови гнездящееся *право интонации*.

Родство по крови грубо и прочно, родство по избранию — тонко. Где тонко, там и рвется.

Моя душа чудовищно-ревнива: она бы не вынесла меня красавицей.

Говорить о внешности в *моих* случаях — неразумно: дело так явно, и настолько — не в ней!

— «Как она Вам нравится внешне?» — *А хочет* ли она внешне нравиться? Да я просто права на это не даю, — на такую оценку!

Я — я: и волосы — я, и мужская рука моя с квадратными пальцами — я, и горбатый нос мой — я. И, точнее: ни волосы не я, ни рука, ни нос: я — я: незримое.

Чтите оболочку, осчастливленную дыханием Бога.

И идите: любить — другие тела!

(Если бы я эти записи напечатала, непременно сказали бы: *rag dépit*)¹.

Письмо о Лозэне²:

«Вы хотите, чтобы я дала Вам краткий отчет о своей последней любви. Говорю «любви», потому что не знаю, не даю себе труда знать... (Может быть: все, что угодно, — только не любовь! Но — все, что угодно!)»

Итак: во-первых — божественно-хорош, во-вторых — божественный голос. Обе сии божественности — на любителя. Но таких любителей много: все мужчины, не любящие женщин, и все женщины, не любящие мужчин.

Он восприимчив, как душевно, так и наочно, это его главная и несомненная сущность. От озноба до восторга — один

¹ С досады (*фр.*).

² Герой моей пьесы «Фортуна» (*примеч. М. Цветаевой*).

шаг. Его легко бросает в озноб. Другого такого собеседника и партнера на свете нет. Он знает то, чего Вы не сказали и, может быть, и не сказали бы... если бы он уже не знал! Чтущий только собственную лень, он не желая заставляет Вас быть таким, каким ему удобно. («Угодно» здесь неуместно — ему ничего не угодно.)

Добр? Нет. Ласков? Да.

Ибо доброта — чувство первичное, а он живет исключительно вторичным, отраженным. Так, вместо доброты — ласковость, любви — расположение, ненависти — уклонение, восторга — любование, участия — сочувствие. Взамен *присутствия* страсти — *отсутствие* бесстрастия (пристрастности присутствия — бесстрастие отсутствия).

Но во всем вторичном он очень силен: перл, первый смычок. — А в любви?

Здесь я ничего не знаю. Мой острый слух подсказывает мне, что само слово «любовь» его — как-то — режет. Он вообще боится слов, как вообще — всего явного. Призраки не любят, чтобы их воплощали. Они оставляют эту роскошь за собой».

«Люби меня, как тебе угодно, но проявляй это так, как удобно мне. А мне удобно, чтобы я ничего не *знал*».

Воля в зле? Никакой. Вся прелесть и вся опасность его в глубочайшей невинности. Вы можете умереть, он не справится о вас в течение месяцев. И потом, растерянно: «Ах, как жаль! Если бы я знал, но я был так занят... Я не знал, что так сразу умирают...»

Зная мировое, он, конечно, не знает бытового, а смерть такого-то числа, в таком-то часу — конечно, быт. И чума — быт.

Но есть у него, взамен всего, чего нет, одно: воображение. Это его сердце, и душа, и ум, и дарование. Корень ясен: восприимчивость. Чужа то, что в нем видите вы, он становится таким.

Так: денди, демон, баловень, архангел с трубой — он все, что вам угодно, только в тысячу раз пуше, чем хотели вы. Игрушка, которая мстит за себя. *Objet de luxe et d'art*¹ — и горе вам, если это *objet de luxe et d'art* станет вашим хлебом насущным!

— Невинность, невинность, невинность!

— Невинность в тщеславии, невинность в себялюбии, невинность в беспамятности, невинность в беспомощности...

Есть, однако, у этого невиннейшего и неузвимейшего из преступников одно уязвимое место: безумная — только никогда не сойдет с ума! — любовь к няне. На этом раз навсегда исчерпалась вся его человечность.

Итог — ничтожество, как человек, и совершенство, как существо.

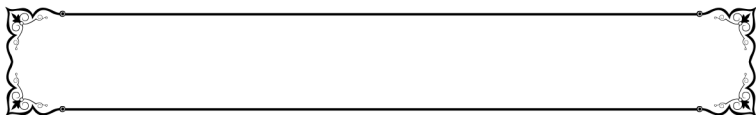
Из всех соблазнов его для меня я бы выделила три главных: соблазн слабости, соблазн бесстрастия — и соблазн Чужого.

Москва, 1918—1919

¹ Предмет роскоши и искусства (фр.).

Тайный жар

* * *

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
— Нечитанным стихам!

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

*Коктебель,
13 мая 1913*

* * *

Солнцем жилки налиты — не кровью —
На руке, коричневой уже.
Я одна с моей большой любовью
К собственной моей душе.

Жду кузнечика, считаю до ста,
Стебелек срываю и жую...
— Странно чувствовать так сильно и так просто
Мимолетность жизни — и свою.

15 мая 1913

* * *

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, —
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
— И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох!

О летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы — если б знали —

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, —
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

17 мая 1913

* * *

Два солнца стынут — о Господи, пощади! —
Одно — на небе, другое — в моей груди.

Как эти солнца — прошу ли себе сама? —
Как эти солнца сводили меня с ума!

И оба стынут — не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей.

6 октября 1915

* * *

Цветок к груди приколот,
Кто приколол — не помню.
Ненасытим мой голод
На грусть, на страсть, на смерть.

Виолончелью, скрипом
Дверей и звоном рюмок,
И лязгом шпор, и криком
Вечерних поездов,

Выстрелом на охоте
И бубенцами троек —
Зовете вы, зовете,
Нелюбленные мной!

Но есть еще услада:
Я жду того, кто первый
Поймет меня, как надо —
И выстрелит в упор.

22 октября 1915

* * *

Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь — уж рвешься прочь!
Я лоб уронила в руки
И думаю, глядя в ночь:

Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть —
Как сами себе верны.

Октябрь 1915

* * *

Полнолуние, и мех медвежий,
И бубенчиков легкий пляс...
Легкомысленнейший час! — Мне же
Глубочайший час.

Умудрил меня встречный ветер,
Снег умилолюбил мне взгляд,
На пригорке монастырь светел
И от снега — свят.

Вы снежинки с груди собольей
Мне сцеловываете, друг,
Я на дерево гляжу, — в поле
И на лунный круг.

За широкой спиной ямщицкой
Две не встретятся головы.
Начинает мне Господь — сниться,
Отоснились — Вы.

27 ноября 1915

После бессонной ночи слабеют руки,
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга в каждом случайном звуке,
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.

Нежно светлеют губы, и тень золоче
Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик, — и от темной ночи
Только одно темнеет у нас — глаза.

19 июля 1916

* * *

Нынче я гость небесный
В стране твоей.
Я видела бессонницу леса
И сон полей.

Где-то в ночи подковы
Взрывали траву.
Тяжко вздохнула корова
В сонном хлеву.

Расскажу тебе с грустью,
С нежностью всей,
Про сторожа-гуся
И спящих гусей.

Руки тонули в песьей шерсти,
Пес был сед.
Потом, к шести,
Начался рассвет.

20 июля 1916

* * *

Горечь! Горечь! Вечный привкус
На губах твоих, о страсть!
Горечь! Горечь! Вечный искус —
Окончательнее пасть.

Я от горечи — целую
Всех, кто молод и хорош.
Ты от горечи — другую
Ночью за руку ведешь.

С хлебом ем, с водой глотаю
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь.

10 июня 1917

АЛЕ

А когда — когда-нибудь — как в воду
И тебя потянет — в вечный путь,
Оправдай змеиную породу:
Дом — меня — мои стихи — забудь.

Знай одно: что завтра будешь старой.
Пей вино, правь тройкой, пой у Яра,
Синеокою цыганкой будь.
Знай одно: никто тебе не пара —
И бросайся каждому на грудь.

Ах, горят парижские бульвары!
(Понимаешь — миллионы глаз!)
Ах, гремят мадридские гитары!
(Я о них писала — столько раз!)

Знай одно: (твой взгляд широк от жара,
Паруса надулись — добрый путь!)
Знай одно: что завтра будешь старой,
Остальное, деточка, — забудь.

11 июня 1917

* * *

Только живите! — Я уронила руки,
Я уронила на руки жаркий лоб.
Так молодая Буря слушает Бога
Где-нибудь в поле, в какой-нибудь темный час.

И на высокий вал моего дыханья
Властная вдруг — словно с неба — ложится длань.
И на уста мои чьи-то уста ложатся.
— Так молодую Бурю слушает Бог.

20 июня 1917

ЛЮБВИ СТАРИННЫЕ ТУМАНЫ

1

Над черным очертаньем мыса —
Луна — как рыцарский доспех.
На пристани — цилиндр и мех,
Хотелось бы: поэт, актриса.

Огромное дыханье ветра,
Дыханье северных садов, —
И горестный, огромный вздох:
— Ne laissez pas traóner mes lettres!¹

2

Так, руки заложив в карманы,
Стою. Синее водный путь.
— Опять любить кого-нибудь? —
Ты уезжаешь утром рано.

Горячие туманы Сити —
В глазах твоих. Вот так, ну вот...
Я буду помнить — только рот
И страстный возглас твой: — Живите!

3

Смывает лучшие румяна —
Любовь. Попробуйте на вкус,
Как слезы — солонь. Боюсь,
Я завтра утром — мертвой встану.

Из Индии пришлите камни.
Когда увидимся? — Во сне.
— Как ветрено! — Привет жене,
И той — зеленоглазой — даме.

4

Ревнивый ветер треплет шаль.
Мне этот час сужден — от века.
Я чувствую у рта и в веках
Почти звериную печаль.

¹ «Не раскидывай мои письма!» (фр.)

Такая слабость вдоль колен!
— Так вот она, стрела Господня! —
— Какое зарево! — Сегодня
Я буду бешеной Кармен.

...Так, руки заложив в карманы,
Стою. Меж нами океан.
Над городом — туман, туман.
Любви старинные туманы.

19 августа 1917

* * *

Из Польши своей спесивой
Принес ты мне речи льстивые,
Да шапочку соболиную,
Да руку с перстами длинными,
Да нежности, да поклоны,
Да княжеский герб с короною.

— А я тебе принесла
Серебряных два крыла.

20 августа 1917

* * *

Нет! Еще любовный голод
Не раздвинул этих уст.
Нежен — оттого что молод,
Нежен — оттого что пуст.

Но увы! На этот детский
Рот — Ширази лепестки! —
Все людское людоедство
Точит зверские клыки.

23 августа 1917

* * *

Семь мечей пронзали сердце
Богородицы над Сыном.
Семь мечей пронзили сердце,
А мое — семижды семь.

Я не знаю, жив ли, нет ли
Тот, кто мне дороже сердца,
Тот, кто мне дороже Сына...

Этой песней — утешаюсь.
Если встретится — скажи.

25 мая 1918

* * *

Я — есмь. Ты — будешь. Между нами — бездна.
Я пью. Ты жаждешь. Сговориться — тщетно.
Нас десять лет, нас сто тысячелетий
Разъединяют. — Бог мостов не строит.

Будь! — это заповедь моя. Дай — мимо
Пройти, дыханьем не нарушив роста.
Я — есмь. Ты будешь. Через десять весен
Ты скажешь: — есмь! — а я скажу: — когда-то...

6 июня 1918

* * *

Ночи без любимого — и ночи
С нелюбимым, и большие звезды
Над горячей головой, и руки,
Простирающиеся к Тому —
Кто от века не был — и не будет,
Кто не может быть — и должен быть...
И слеза ребенка по герою,
И слеза героя по ребенку,
И большие каменные горы
На груди того, кто должен — вниз...
Знаю всё, что было, всё, что будет,
Знаю всю глухонемую тайну,
Что на темном, на косноязычном
Языке людском зовется — Жизнь.

Между 30 июня и 6 июля 1918

* * *

Как правая и левая рука,
Твоя душа моей душе близка.

Мы смежены, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.

Но вихрь встает — и бездна пролегла
От правого — до левого крыла!

10 июля 1918

* * *

Доблесть и девственность! — Сей союз
Древен и дивен, как Смерть и Слава.
Красною кровью своей клянусь
И головою своей кудрявой —

Ноши не будет у этих плеч,
Кроме божественной ноши — Мира!
Нежную руку кладу на меч:
На лебединую шею Лирь.

27 июля 1918

* * *

Каждый стих — дитя любви,
Нищий незаконнорожденный.
Первенец — у колеи
На поклон ветрам — положенный.

Сердцу ад и алтарь,
Сердцу — рай и позор.
Кто отец? — Может — царь.
Может — царь, может — вор.

14 августа 1918

КОМЕДЬЯНТ

I

Не любовь, а лихорадка!
Легкий бой лукав и лжив.
Нынче тошно, завтра сладко,
Нынче помер, завтра жив.

Бой кипит. Смешно обоим:
Как умен — и как умна!

Героиней и героем
Я равно обольщена.

Жезл пастуший — или шпага?
Зритель, бой — или гавот?
Шаг вперед — назад три шага,
Шаг назад — и три вперед.

Рот как мед, в очах доверье,
Но уже взлетает бровь.
Не любовь, а лицемерье,
Лицедейство — не любовь!

И итогом этих (в скобках —
Несодеянных!) грехов —
Будет легонькая стопка
Восхитительных стихов.

20 ноября 1918

2

Мало ли запястий
Плелось, вилось?
Что тебе запястье
Мое — далось?

Всё кругом до около —
Что кот с мышом!
Нет, — очами, сокол мой,
Глядят — не ртом!

19 ноября 1918

3

Дружить со мной нельзя, любить меня — не можно!
Прекрасные глаза, глядите осторожно!

Баркасу должно плыть, а мельнице — вертеться.
Тебе ль остановить кружасьее сердце?

Порукою тетрадь — не выйдешь господином!
Пристало ли вздыхать над действием комедийным?

Любовный крест тяжел — и мы его не тронем.
Вчерашний день прошел — и мы его схороним.

20 ноября 1918

4

Не успокоюсь, пока не увижу.
Не успокоюсь, пока не услышу.
Вашего взора пока не увижу,
Вашего слова пока не услышу.

Что-то не сходится — самая малость!
Кто мне в задаче исправит ошибку?
Солоно-солоно сердцу досталась
Сладкая-сладкая Ваша улыбка!

— Баба! — мне внуки на урне напишут.
И повторяю — упрямо и слабо:
Не успокоюсь, пока не увижу,
Не успокоюсь, пока не услышу.

23 ноября 1918

5

Вы столь забывчивы, сколь незабвенны.
— Ах, Вы похожи на улыбку Вашу! —
Сказать еще? — Златого утра краше!
Сказать еще? — Один во всей вселенной!
Самой Любви младой военнопленный,
Рукой Челлини ваянная чаша.

Друг, разрешите мне на лад старинный
Сказать любовь, нежнейшую на свете.
Я Вас люблю. — В камине воеет ветер.
Облокотясь — уставясь в жар каминный —
Я Вас люблю. Моя любовь невинна.
Я говорю, как маленькие дети.

Друг! Всё пройдет! Виски в ладонях сжаты,
Жизнь разожмет! — Младой военнопленный,
Любовь отпустит вас, но — вдохновенный —
Всё пророкочет голос мой крылатый —
О том, что жили на земле когда-то
Вы — столь забывчивый, сколь незабвенный!

25 ноября 1918

6

Короткий смешок,
Открывающий зубы,
И легкая наглость прищуренных глаз.
— Люблю Вас! — Люблю Ваши зубы и губы,
(Все это Вам сказано — тысячу раз!)

Еще полюбить я успела — постойте! —
Мне помнится: руки у Вас хороши!
В долгу не останусь, за всё — успокойтесь —
Воздам неразменной деньгою души.

Посмейтесь! Пусть нынешней ночью приснятся
Мне впадины чуть улыбнувшихся щек.
Но даром — не надо! Давайте меняться:
Червонец за грошик: смешок — за стишок!

27 ноября 1918

7

Розовый рот и бобровый ворот —
Вот лицедеи любовной ночи.
Третьим была — Любовь.

Рот улыбался легко и нагло.
Ворот кичился бобровым мехом.
Молча ждала Любовь.

8

Сядешь в кресла, полон лени.
Встану рядом, на колени,
Без дальнейших повелений.

С сонных кресел свесишь руку.
Подыму ее без звука,
С перстеньком китайским — руку.

Перстенок начищен мелом.
— Счастлив ты? — Мне нету дела!
Так любовь моя велела.

5 декабря 1918

9

Ваш нежный рот — сплошное целованье...
 — И это всё, и я совсем как нищий.
 Кто я теперь? — Единая? — Нет, тыща!
 Завоеватель? — Нет, завоеванье!

Любовь ли это — или любованье,
 Пера причуда — иль первопричина,
 Томленье ли по ангельскому чину —
 Иль чуточку притворства — по призванью...

— Души печаль, очей очарованье,
 Пера ли росчерк — ах! не все равно ли,
 Как назовут сие уста — доколе
 Ваш нежный рот — сплошное целованье!

Декабрь 1918

10

«Поцелуйте дочку!»
 Вот и всё. — Как скупое! —
 Быть несчастной — глупо.
 Значит, ставим точку.

Был у Вас бы малый
 Мальчик, сын единый —
 Я бы Вам сказала:
 «Поцелуйте сына!»

11

Бренные губы и бренные руки
 Слепо разрушили вечность мою.
 С вечной Душою своею в разлуке —
 Бренные губы и руки пою.

Рокот божественной вечности — глуше.
 Только порою, в предугранный час —
 С темного неба — таинственный глас:
 — Женщина! — Вспомни бессмертную душу!

Конец декабря 1918

12

В ушах два свиста: шелка и метели!
Бьется душа — и дышит кровь.
Мы получили то, чего хотели,
Вы — мой восторг — до снеговой постели,
Я — Вашу смертную любовь.

27 января 1919

13

Шампанское вероломно,
А все ж наливай и пей!
Без розовых без цепей
Напишись в могиле темной!

Ты мне не жених, не муж.
Твоя голова в тумане...
А вечно одну и ту ж —
Пусть любит герой в романе!

14

Скучают после кутежа.
А я как веселюсь — не чаешь!
Ты — господин, я — госпожа,
А главное — как ты такая ж!

Не обманись! Ты знаешь сам
По злomu холодку в гортани,
Что я была твоим устам —
Лишь пеною с холмов Шампани!

Есть золотые кутежи.
И этот мой кутеж оправдан:
Шампанское любовной лжи —
Без патоки любовной правды!

15

Да здравствует черный туз!
Да здравствует сей союз
Тщеславья и вероломства!
На темных мостах знакомства,
Вдоль фонарей — любовь!

Я лживую кровь свою
Пою — в вероломных жилах.
За всех вероломных милых
Грядущих своих — я пью!

Да здравствует комедьянт!
Да здравствует красный бант
В моих волосах веселых!
Да здравствуют дети в школах,
Что вырастут — пуше нас!

И, юности на краю,
Под тенью сухих смоковниц —
За всех роковых любовниц
Грядущих твоих — я пью!

Москва, март 1919

* * *

Солнце — одно, а шагает по всем городам.
Солнце — мое. Я его никому не отдам.

Ни на час, ни на луч, ни на взгляд.
— Никому. — Никогда.
Пусть погибают в бессменной ночи города!

В руки возьму! Чтoб не смело вертеться в кругу!
Пусть себе руки, и губы, и сердце сожгу!

В вечную ночь пропадет — погонюсь по следам...
Солнце мое! Я тебя никому не отдам!

Февраль 1919

* * *

Она подкрадется неслышно —
Как полночь в дремучем лесу.
Я знаю: в передничке пышном
Я голубя Вам принесу.

Так: встану в дверях — и ни с места!
Свинцовыми гирями — стыд.
Но птице в переднике — тесно,
И птица — сама полетит!

19 марта 1920

* * *

О нет, не узнает никто из вас
— Не сможет и не захочет! —
Как страстная совесть в бессонный час
Мне жизнь молодую точит!

Как душит подушкой, как бьет в набат,
Как шепчет все то же слово...
— В какой обратился треклятый ад
Мой глупый грешок грошовый!

Март 1919

* * *

Упадешь — перстом не двину.
Я люблю тебя как сына.

Всей мечтой своей довлея,
Не шадя и не жалея.

Я учу: губам полезно
Раскаленное железо,

Бархатных ковров полезней —
Гвозди — молодым ступням.

А еще в ночи беззвездной
Под ногой — полезны — бездны!

Первенец мой крутолобий!
Вместо всей моей учебы —
Материнская утроба
Лучше — для тебя была б.

Октябрь 1919

* * *

Когда-нибудь, прелестное создание,
Я стану для тебя воспоминаньем.

Там, в памяти твоей голубоокой,
Затерянным — так далеко-далёко.

Забудешь ты мой профиль горбоносый,
И лоб в апофеозе папиросы,

И вечный смех мой, коим всех морочу,
И сотню — на руке моей рабочей —

Серебряных перстней, — чердак-каюту,
Моих бумаг божественную смуту..

Как в страшный год, возвышены Бедою,
Ты — маленькой была, я — молодою.

Октябрь 1919

* * *

Да, вздохов обо мне — край непочатый!
А может быть — мне легче быть проклятой!
А может быть — цыганские заплаты —
Смирненные — мои
Не меньше, чем несмешанное золото,
Чем белизной пылающие латы
Пред ликом судии.

Долг плясуна — не дрогнуть вдоль каната,
Долг плясуна — забыть, что знал когда-то —
Иное вещество,
Чем воздух — под ногой своей крылатой!
Оставь его. Он — как и ты — глашатай
Господа своего.

17 мая 1920

* * *

Суда поспешно не чини:
Непрочен суд земной!
И голубиной — не черни
Галчонка — белизной.

А впрочем — что ж, коли не лень!
Но всех перелюбя,
Быть может, я в тот черный день
Очнусь — белей тебя!

17 мая 1920

ПРИГВОЖДЕНА...

I

Пригвождена к позорному столбу
Славянской совести старинной,

С змеею в сердце и с клеймом на лбу,
Я утверждаю, что — невинна.

Я утверждаю, что во мне покой
Причастницы перед причастьем.
Что не моя вина, что я с рукой
По площадям стою — за счастьем.

Пересмотрите всё мое добро,
Скажите — или я ослепла?
Где золото мое? Где серебро?
В моей руке — лишь горстка пепла!

И это всё, что лестью и мольбой
Я выпросила у счастливых.
И это все, что я возьму с собой
В край целований молчаливых.

2

Пригвождена к позорному столбу,
Я все ж скажу, что я тебя люблю.
Что ни одна до самых недр — мать
Так на ребенка своего не взглянет.
Что за тебя, который делом занят,
Не умереть хочу, а умирать.

Ты не поймешь, — малы мои слова! —
Как мало мне позорного столба!

Что если б знамя мне доверил полк,
И вдруг бы *ты* предстал перед глазами —
С другим в руке — окаменев как столб,
Моя рука бы выпустила знамя...
И эту честь последнюю поправ,
Прениже ног твоих, прениже трав.

Твоей рукой к позорному столбу
Пригвождена — березкой на лугу.

Сей столб встает мне, и не рокот толп —
То голуби воркуют утром рано...
И всё уже отдав, сей черный столб
Я не отдам — за красный нимб Руана!

Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя.
Я руку, бьющую меня, целую.

В грудь оттолкнувшую — к груди тяну,
Чтоб, удивясь, прослушал — тишину.

И чтоб потом, с улыбкой равнодушной:
— Мое дитя становится послушным!

Не первый день, а многие века
Уже тяну тебя к груди, рука

Монашеская — хладная до жара! —
Рука — о Элоиза! — Абеяра.

В гром кафедральный — дабы насмерть бить! —
Ты, белой молнией взлетевший бич!

19 мая 1920, канун Вознесения

* * *

Восхищенной и восхищённой,
Сны видящей средь бела дня,
Все спящей видели меня,
Никто меня не видел сонной.

И оттого, что целый день
Сны проплывают пред глазами,
Уж ночью мне ложиться — лень.
И вот, тоскующая тень,
Стою над спящими друзьями.

17—19 мая 1920

* * *

С. Э.

Писала я на аспидной доске,
И на листочках вееров поблёклых,
И на речном, и на морском песке,
Коньками по льду и кольцом на стеклах, —

И на стволах, которым сотни зим,
И, наконец — чтоб было всем известно! —
Что ты любим! любим! любим — любим! —
Расписывалась — радугой небесной. Как я хотела,
чтобы каждый цвел
В веках со мной! под пальцами моими!
И как потом, склонивши лоб на стол,
Крест-накрест перечеркивала — имя...

Но ты, в руке продажного писца
Зажатое! ты, что мне сердце жалишь!
Непроданное мной! *внутри* кольца!
Ты — уцелеешь на скрижалях.

18 мая 1920

* * *

Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь — прельшусь — смущусь — рванусь.
О милая! — Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прошусь.

И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на сердце держать пуды.
Спеленутых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.

Нет, выпростаю руки! — Стан упругий
Единым взмахом из твоих пелен
— Смерть — выбью! Верст на тысячу в округе
Растоплены снега и лес спален.

И если всё ж — плеча, крыла, колена
Сжав — на погост дала себя увести, —
То лишь затем, чтобы смеяь над тленом,
Стихом восстать — иль розаном расцвести!

Около 28 ноября 1920

* * *

Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух — не решить по заказу!
Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!

Пляшущим шагом прошла по земле! — Неба дочь!
С полным передником роз! — Ни ростка не наруша!
Знаю, умру на заре! — Ястребиную ночь
Бог не пошлет по мою лебединую душу!

Нежной рукой отведя нецелованный крест,
В щедрое небо рванусь за последним приветом.
Прорезь зари — и ответной улыбки прорез...
Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!

Москва, декабрь 1920

* * *

О всеми ветрами
Колблемый лотос!
Георгия — робость,
Георгия — кротость...

Очей непомерных
— Широких и влажных —
Суровая — детская — смертная важность.

Так смертная мука
Глядит из тряпья.
И вся непомерная
Тяжесть копья.

Не тот — высочайший,
С усмешкою гордой:
Кротчайший Георгий,
Тишайший Георгий,

Горчайший — свеча моих бдений — Георгий,
Кротчайший — с глазами оленя — Георгий!

(Трепещущей своре
Простивший олень.)
— Которому пробил
Георгиев день.

О лотос мой!
Лебедь мой!
Лебедь! Олень мой!

Ты — все мои бденья
И все сновиденья!

Пасхальный тропарь мой!
Последний алтын мой!
Ты больше, чем Царь мой,
И больше, чем сын мой!

Лазурное око мое —
В вышину!
Ты, блудную снова
Вознесший жену.

— Так слушай же!..

(Не dokonчено за письмом)
14 июля 1921

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

С. Э.

В сокровищницу
Полунощных глубин
Недрогнувшую
Опускаю ладонь.

Меж водорослей —
Ни приметы его!
Сокровища нету
В морях — моего!

В заоблачную
Песнопенную высь —
Двумолнием
Осмелеваюсь — и вот

Мне жаворонок
Обронил с высоты —
Что за морем ты,
Не за облаком ты!

15 июля 1921

* * *

Есть час на те слова.
Из слуховых глушизн
Высокие права
Выстукивает жизнь.

Быть может — от плеча,
Протиснутого лбом.
Быть может — от луча,
Невидимого днем.

В напрасную струну
Прах — взмах на простыню.
Дань страху своему
И праху своему.

Жарких самоуправств
Час — и тишайших просьб.
Час безземельных братств.
Час мировых сиротств.

11 июня 1922

* * *

Лютая юдоль,
Дольняя любовь.
Руки: свет и соль.
Губы: смоль и кровь.

Левогрудый гром
Лбом подслушан был.
Так — о камень лбом —
Кто тебя любил?

Бог с замыслами! Бог с вымыслами!
Вот: жаворонком, вот: жимолостью,
Вот: пригоршнями: вся выплеснута
С моими дикостями — и тихостями,
С моими радугами заплаканными,
С подкрадываньями, забарматываньями...

Милая ты жизнь!
Жадная еще!

Ты запомни вжим
В правое плечо.

Щебеты во тьмах...
С птицами встаю!
Мой веселый вмах
В летопись твою.

12 июня 1922

* * *

Так, в скудном труженичестве дней,
Так, в трудной судорожности к ней,
Забудешь дружественный хорей
Подруги мужественной своей.

Ее суровости горький дар,
И легкой робостью скрытый жар,
И тот беспроволочный удар,
Которому имя — даль.

Все древности, кроме: *дай* и *мой*,
Все ревности, кроме той, земной,
Все верности, — но и в смертный бой
Неверующим Фомой.

Мой неженка! Сединой отцов:
Сей беженки не бери под кров!
Да здравствует левогрудый ков
Немудрствующих концов!

Но может, в щебетах и в счетах
От вечных женственностей устав —
И вспомнишь руку мою без прав
И мужественный рукав.

Уста, не требующие смет,
Права, не следующие вслед,
Глаза, не ведающие век,
Исследующие: свет.

15 июня 1922

* * *

Ночные шепота: шелка
Разбрасывающая рука.
Ночные шепота: шелка
Разглаживающие уста.

Счета

Всех ревностей дневных —

и вспых

Всех древностей — и стиснув челюсти —
И стих,
Спор —
В шелесте...

И лист
В стекло...
И первой птицы свист.
— Сколь чист! — И вздох.
Не тот. — Ушло.
Ушла.
И вздрог
Плеча.

Ничто.
Тщета.
Конец.
Как нет.

И в эту суету сует
Сей меч: рассвет.

17 июня 1922

* * *

Ищи себе доверчивых подруг,
Не выправивших чуда на число.
Я знаю, что Венера — дело рук,
Ремесленник — и знаю ремесло.

От высокаторжественных немот
До полного поправления души:
Всю лестницу божественную — от:
Дыхание мое — до: не дыши!

18 июня 1922

* * *

Помни закон:
Здесь не владей!
Чтобы потом —
В Граде Друзей:

В этом пустом,
В этом крутом
Небе мужском
— Сплошь золотом —

В мире, где реки вспять¹
На берегу — реки,
В мнимую руку взять
Мнимость другой руки...

Легонькой искры хруст,
Взрыв — и ответный взрыв.
(Недостоверность рук
Рукопожатьем скрыв!)

О этот дружный всплеск
Плоских как меч одежд —
В небе мужских божеств,
В небе мужских торжеств!

Так, между отрочеств:
Между равенств,
В свежих широтах
Зорь, в загараньях

Игр — на сухом ветру
Здравствуй, бесстрашие душ!
В небе тарпейских круч,
В небе спартанских дружб!

20 июня 1922

* * *

Когда же, Господин,
На жизнь мою сойдет

¹ Ударяются и отрываются первый, четвертый и последний слоги:
На́ — берегú — реки. — М. Ц.

Спокойствие седин,
Спокойствие высот.

Когда ж в пратишину
Тех перволюбизн
Высокое плечо,
Всю вынесшее жизнь.

Ты, Господи, один,
Один, никто из вас,
Как с пуховых горбин
В синь горную рвалась.

Как под упорством уст
Сон — слушала — траву..
(Здесь, на земле искусств,
Словесницей слыву!)

И как меня томил
Лжи — ломовой оброк,
Как из последних жил
В дерева первый вздрог..

Дерева — первый — вздрог,
Голубя — первый — ворк.
(Это не твой ли вздрог,
Гордость, не твой ли ворк,
Верность?)

— Остановись,
Светопись зорких стрел!
В тайнописи любви
Небо — какой пробел!

Если бы — не — рассвет:
Дребезг, и свист, и лист,
Если бы не сует
Сих суета — сбылись

Жизни б...

Не луч, а бич —
В жимолость нежных тел.
В опромети добыч
Небо — какой предел!

День. Ломовых дорог
Ков. — Началась. — Пошла.
Дикий и тихий вздрог
Вспомнившего плеча.

Прячет...

Как из ведра —
Утро. Малярный мел.
В летописи ребра
Небо — какой пробел!

22—23 июня 1922

* * *

По загарам — топор и плуг.
Хватит — смуглому праху дань!
Для ремесленнических рук
Дорога трудовая рань.

Здравствуй — в ветхозаветных
тьмах —
Вечной мужественности взмах!

Мхом и медом дымящий плод —
Прочь, последнего часа тварь!
В меховых ворохах дремот
Сарру-заповедь и Агарь —

Сердце — бросив...
— ликуй в утрах,
Вечной мужественности взмах!

24 июня 1922

* * *

Здравствуй! Не стрела, не камень:
Я! — Живейшая из жен:
Жизнь. Обеими руками
В твой невыспавшийся сон.

Дай! (На языке двуостром:
Нá! — Двуострота змеи!)
Всю меня в простоволосой
Радости моей прими!

Льни! — Сегодня день на шхуне,
— Льни! — на лыжах! — Льни! — льняной!
Я сегодня в новой шкуре:
Вызолоченной, седьмой!

— Мой! — и о каких наградах
Рай — когда в руках, у рта:
Жизнь: распахнутая радость
Поздороваться с утра!

25 июня 1922

* * *

В пустынной хрámине
Троилась — ладаном.
Зерном и пламенем
На темя падала...

В ночные клёкоты
Вступала — ровнею.
— Я буду крохотной
Твоей жаровнею:

Домашней утварью:
Тоску раскуривать,
Ночную скуку гнать,
Земные руки греть!

С груди безжалостной
Богов — пусть сброшена!
Любовь досталась мне
Любáя: бóльшая!

С такими путами!
С такими льготами!
Полжизни? — Всю тебе!
По-локоть? — Вóт она!

За то, что требуешь,
За то, что мучаешь,
За то, что бедные
Земные руки есть...

Тщета! — Не выверишь
По амфибрахиям!

В груди пошире лишь
Глаза распахивай,

Гляди: не Логосом
Пришла, не Вечностью:
Пустоголовостью
Твоей щебечущей

К груди... — Не властвовать!
Без слов и на слово —
Любить... Распластаннейшей
В мире — ласточкой!

Берлин, 26 июня 1922

БАЛКОН

Ах, с откровенного отвеса —
Вниз — чтоб в прах и в смоль!
Земной любви недovesок
Слезой солить — доколь?

Балкон. Сквозь соляные ливни
Смоль поцелуев злых.
И ненависти неизбывной
Вздых: выдыхаться в стих!

Стиснутое в руке комочком —
Что: сердце или рвань
Батистовая? Сим примочкам
Есть имя: — Иордань.

Да, ибо этот бой с любовью
Дик и жестокосерд.
Дабы с гранитного надбровья
Взмыв — выдыхаться в смерть!

30 июня 1922

* * *

Ночного гостя не застанешь...
Спи и прости навек
В испытаннейшем из пристанищ
Сей невозможный свет.

Но если — не сочти, что дразнит
Слух! — любящая — чуть
Отклонится, но если навзрыд
Ночь и кифарой — грудь...

То мой любовник лавролобий
Поворотил коней
С ристалища. То ревность Бога
К любимице своей.

2 июля 1922

* * *

Неподражаемо лжет жизнь:
Сверх ожидания, сверх лжи...
Но по дрожанию всех жил
Можешь узнать: жизнь!

Словно во ржи лежишь: звон, синь...
(Что ж, что во лжи лежишь!) — жар, вал...
Бормот — сквозь жимолость — ста жал...
Радуйся же! — Звал!

И не кори меня, друг, столь
Заворожимы у нас, тел,
Души — что вот уже: лбом в сон.
Ибо — зачем пел?

В белую книгу твоих тишизн,
В дикую глину твоих «да» —
Тихо склоняю облом лба:
Ибо ладонь — жизнь.

8 июля 1922

* * *

Думалось: будут легки
Дни — и бестрепетна смежность
Рук. — Взмахом руки,
Друг, остановимте нежность.

Не — поздно еще!¹
В рас — светные щели

¹ Ударяется и отрывается первый слог. Помечено не везде. — *М. Ц.*

(Не поздно!) — еще
Нам птицы не пели.

Будь на — стороже!
Последняя ставка!
Нет, поздно уже,
Друг, если до завтра!

Земля да легка!
Друг, в самую сердь!
Не в наши лета
Откладывать смерть!

Мертвые — хоть — спят!
Только моим сна нет —
Снам! Взмахом лопат,
Друг — остановимте память!

9 июля 1922

* * *

Руки — и в круг
Перепродаж и переуступок!
Только бы губ,
Только бы рук мне не перепутать!

Этих вот всех
Суетностей, от которых сна нет.
Руки воздев,
Друг, заклинаю свою же память!

Чтобы в стихах
(Свалочной яме моих Высочеств!)
Ты не зачах,
Ты не усох наподобье прочих.

Чтобы в груди
(В тысячегрудой моей могиле
Братской!) — дожди
Тысячелетий тебя не мыли...

Тело меж тел,
— Ты, что мне пропадом был двухзвездным!..
Чтоб не истлел
С надписью: не опознан.

9 июля 1922

БЕРЛИНУ

Дождь убаюкивает боль.
Под ливни опускающихся ставень
Сплю. Вздрагивающих асфальтов вдоль
Копыта — как рукоплесканья.

Поздравствовалося — и слилось.
В оставленности златозарной
Над сказочнейшим из сиротств
Вы смилостивились, казармы!

10 июля 1922

* * *

Удостоверишься — повремени! —
Что, выброшенный на солому,
Не надо было ей ни славы, ни
Сокровищницы Соломона.

Нет, руки за голову заломив,
— Глоткою соловьиной! —
Не о сокровищнице — Суламифь:
Горсточке красной глины!

12 июля 1922

* * *

Светло-серебряная цвель
Над зарослями и бассейнами.
И занавес дохнёт — и в щель
Колелеблущийся и рассеянный

Свет... Падающая вода
Чадры. (Не прикажу — не двинешься!)
Так пэри к спящим иногда
Прокрадываются в любимицы.

Ибо не ведающим лет
— Спи! — головокруженье нравится.
Не вычитав моих примет,
Спи, нежное мое неравенство!

Спи. — Вымыслом останусь, лба
Разглаживающим неровности.
Так Музы к смертным иногда
Напрашиваются в любовницы.

16 июля 1922

* * *

В сиром воздухе загробном —
Перелетный рейс...
Сирой проволоки вздоги,
Повороты рельс...

Точно жизнь мою угнали
По стальной версте —
В сиром мороке — две дали...
(Поклонись Москве!)

Точно жизнь мою убили.
Из последних жил
В сиром мороке в две жилы
Истекает жизнь.

28 октября 1922

ОФЕЛИЯ — ГАМЛЕТУ

Гамлетом — перетянутым — натуго,
В нимбе разуверенья и знания,
Бледный — до последнего атома...
(Год тысяча который — издания?)

Наглостью и пустотой — не тронете!
(Отроческие чердачные залежи!)
Некоей тяжеловесной хроникой
Вы на этой груди — лежали уже!

Девственник! Женоненавистник! Вздорную
Нежить предпочедший!.. Думали ль
Раз хотя бы о том — что сорвано
В маленьком цветнике безумия...

Розы?.. Но ведь это же — тссс! — Будущность!
Рвем — и новые растут! Предатели ль

Розы хотя бы раз? Любящих —
Розы хотя бы раз? — Убыли ль?

Выполнив (проблагоухав!) тонете...
— Не было! — Но встанем в памяти
В час, когда над ручьёвой хроникой
Гамлетом — перетянутым — встанете...

28 февраля 1923

ОФЕЛИЯ — В ЗАЩИТУ КОРОЛЕВЫ

Принц Гамлет! Довольно червивую залежь
Тревожить... На розы взгляни!
Подумай о той, что — единого дня лишь —
Считает последние дни.

Принц Гамлет! Довольно царицыны недра
Порочить... Не девственным — суд
Над страстью. Тяжёле виновная — Федра:
О ней и поныне поют.

И будут! — А Вы с Вашей примесью мела
И тлена... С костями злословь,
Принц Гамлет! Не Вашего разума дело
Судить воспаленную кровь.

Но если... Тогда берегитесь!.. Сквозь плиты —
Ввысь — в опочивальню — и всласть!
Своей Королеве встаю на защиту —
Я, Ваша бессмертная страсть.

28 февраля 1923

ФЕДРА

I

ЖАЛОБА

Ипполит! Ипполит! Болит!
Опаляет... В жару ланиты...
Что за ужас жестокий скрыт
В этом имени Ипполита!

Точно длительная волна
О гранитное побережье.
Ипполитом опалена!
Ипполитом клянусь и брежу!

Руки в землю хотят — от плеч!
Зубы щебень хотят — в опилки!..
Вместе плакать и вместе лечь!
Воспаляется ум мой пылкий...

Точно в ноздри и губы — пыль
Геркуланума... Вяну... Слепну..
Ипполит, это хуже пил!
Это суше песка и пепла!

Это слепень в раскрытый плач
Раны плещущей... Слепень злится...
Это — красною раной вскачь
Запаленная кобылица!

Ипполит! Ипполит! Спрячь!
В этом пеплуме — как в склепе.
Есть Элизиум — для — кляч:
Живодерня! — Палит слепень!

Ипполит! Ипполит! В плен!
Это в перси, в мой ключ жаркий,
Ипполитова вза — мен
Лепесткового — клюв Гарпий!

Ипполит! Ипполит! Пить!
Сын и пасынок? Со — общник!
Это лава — взамен плит
Под ступнею! — Олимп взропшет?

Олимпийцы?! Их взгляд спящ!
Небожителей — мы — лепим!
Ипполит! Ипполит! В плащ!
В этом пеплуме — как в склепе!

Ипполит, утоли...

7 марта 1923

ПОСЛАНИЕ

Ипполиту от Матери — Федры — Царицы — весть.
 Прихотливому мальчику, чья красота как воск
 От державного Феба, от Федры бежит... Итак,
 Ипполиту от Федры: стенание нежных уст.

Утоли мою душу! (Нельзя, не коснувшись уст,
 Утолить нашу душу!) Нельзя, припадая к устам,
 Не припасть и к Психее, порхающей гостье уст...
 Утоли мою душу: итак, утоли уста.

Ипполит, я устала... Блудницам и жрицам — стыд!
 Не простое бесстыдство к тебе вопиет! Просты
 Только речи и руки... За трепетом уст и рук
 Есть великая тайна, молчанье на ней как перст.

О прости меня, девственник! отрок! наездник! нег
 Ненавистник! — Не похоть! Не женского лона — блажь!
 То она — обольстительница! То Психеи лесть —
 Ипполитовы лепеты слушать у самых уст.

— «Устыдись!» — Но ведь поздно! Ведь это последний всплеск!
 Понесли мои кони! С отвесного гребня — в прах —
 Я наездница *тоже!* Итак, с высоты груди,
 С рокового двухолмия в пропасть твоей груди!

(Не своей ли?!) — Сумей же! Смелей же! Нежней же! Чем
 В вошаную дощечку — не смуглого ль сердца воск?! —
 Ученическим стилосом знаки врезать... О пусть
 Ипполитову тайну устами прочтет твоя

Ненасытная Фебра...

11 марта 1923

ЭВРИДИКА — ОРФЕЮ

Для тех, отживших последние ключья
 Покрова (ни уст, ни ланит!..)
 О, не превышение ли полномочий
 Орфей, нисходящий в Аид?

Для тех, отрешивших последние звенья
Земного... На ложе из лож
Сложившим великую ложь лицезренья,
Внутрь зрящим — свидание нож.

Уплочено же — всеми розами крови
За этот просторный покров
Бессмертья...

До самых летейских верховий
Любивший — мне нужен покой

Беспамятности... Ибо в призрачном доме
Сем — призрак *ты*, сущий, а явь —
Я, мертвая... Что же скажу тебе, кроме:
— «Ты это забудь и оставь!»

Ведь не растревожишь же! Не повлекуся!
Ни рук ведь! Ни уст, чтоб припасть
Устами! — С бессмертья змеиным укусом
Кончается женская страсть.

Уплочено же — вспомяни мои крики! —
За этот последний простор.
Не надо Орфею сходить к Эвридике
И братьям тревожить сестер.

23 марта 1923

РАКОВИНА

Из лепрозария лжи и зла
Я тебя вызвала и взяла

В зори! Из мертвого сна надгробий —
В руки, вот в эти ладони, в обе,

Раковинные — расти, будь тих:
Жемчугом станешь в ладонях сих!

О, не оплатят ни шейх, ни шах
Тайную радость и тайный страх

Раковины... Никаких красавиц
Спесь сокровений твоих касаясь

Так не присвоит тебя, как тот
Раковинный сокровенный свод

Рук неприсваивающих... Спи!
Тайная радость моей тоски,

Спи! Застилая моря и земли,
Раковиною тебя объемлю:

Справа и слева и лбом и дном —
Раковинный колыбельный дом.

Дням не уступит тебя душа!
Каждую муку туша, глуша,

Сглаживая... Как ладонью свежей
Скрытые громы студя и нежа,

Нежа и множа... О, чай! О, зрей!
Жемчугом выйдешь из бездны сей.

— Выйдешь! — По первому слову: будь!
Выстрадавшая раздастся грудь

Раковинная. — О, настезь створы! —
Матери каждая пытка в пору,

В меру... Лишь ты бы, расторгнув плен,
Целое море хлебнул взамен!

31 июля 1923

ЗАОЧНОСТЬ

Кастальскому току,
Взаимность, заторов не ставь!
Заочность: за оком
Лежащая, вящая явь.

Заустно, заглазно
Как некое долгое Іа
Меж ртом и соблазном
Версту расстояния для...

Блаженны длинноты,
Широты забвений и зон!
Пространством как нотой
В тебя удаляясь, как стон

В тебе удлиняясь,
Как эхо в гранитную грудь
В тебя ударяясь:
Не видь и не слышь и не будь —

Не надо мне белым
По черному — мелом доски!
Почти за пределом
Души, за пределом тоски —

...Словесного чванства
Последняя карта сдана.
Пространство, пространство
Ты нынче — глухая стена!

4 августа 1923

ПИСЬМО

Так писем не ждут,
Так ждут — письмá.
Тряпичный лоскут,
Вокруг тесьма
Из клея. Внутри — словцо.
И счастье. И это — всё.

Так счастья не ждут,
Так ждут — конца:
Солдатский салют
И в грудь — свинца
Три дольки. В глазах краснó.
И только. И это — всё.

Не счастья — стара!
Цвет — ветер сдул!
Квадрата двора
И черных дул.

(Квадрата письма:
Чернил и чар!)
Для смертного сна
Никто не стар!

Квадрата письма.

11 августа 1923

МИНУТА

Минута: мѝнушая: минешь!
Так мимо же, и страсть и друг!
Да будет выброшено ныне ж —
Что́ завтра б — вырвано из рук!

Минута: мерящая! Малость
Обмеривающая, слышь:
То никогда не начиналось,
Что кончилось. Так лги ж, так лъсти ж

Другим, десятиричной кори
Подверженным еще, из дел
Не выросшим. Кто ты, чтоб море
Разменивать? Водораздел

Души живой? О, мель! О, мелочь!
У славного Царя Щедрот
Славнее царства не имелось,
Чем надпись: «И сие пройдет» —

На перстне... На путях обратных
Кем не измерена тщета
Твоих Аравий циферблатных
И маятников маята?

Минута: мающая! Мнимость
Вскачь — медлящая! В прах и в хлам
Нас мелящая! Ты, *что минешь*:
Минута: милостыня псам!

О как я рвусь тот мир оставить,
Где маятники душу рвут,

Где вечностью моею правит
Разминовение минут.

12 августа 1923

КЛИНОК

Между нами — клинок двуострый
Присягнувши — и в мыслях класть...
Но бывают — страстные сестры!
Но бывает — братская страсть!

Но бывает такая примесь
Прерий в ветре и бездны в губ
Дуновении... Меч, храни нас
От бессмертных душ наших двух!

Меч, терзай нас и, меч, пронзай нас,
Меч, казни нас, но, меч, знай,
Что бывает такая крайность
Правды, крыши такой край...

Двусторонний клинок — рознит?
Он же сводит! Прорвав плащ,
Так своди же нас, страж грозный,
Рана в рану и хрящ в хрящ!

(Слушай! если звезда, срываясь...
Не по воле дитя с ладьи
В море падает... Острова есть,
Острова для любой любви...)

Двусторонний клинок, синим
Ливший, красным пойдет... Меч
Двусторонний — в себя вдвинем.
Это будет — лучшее лечь!

Это будет — братская рана!
Так, под звездами, и ни в чем
Не повинные... Точно два мы
Брата, спаянные мечом!

18 августа 1923

МАГДАЛИНА

1

Меж нами — десять заповедей:
Жар десяти костров.
Родная кровь отшатывает,
Ты мне — чужая кровь.

Во времена евангельские
Была б одной из тех...
(Чужая кровь — желаннейшая
И чуждейшая из всех!)

К тебе б со всеми немощами
Влеклась, стлалась — светла
Мать! — очесами демонскими
Таясь, лила б маслá

И нá ноги бы, и пóд ноги бы,
И вовсе бы так, в пески...
Страсть, по купцам распроданная,
Расплеванная — теки!

Пеною уст и накипиями
Очес и пóтом всех
Нег... В волоса заматываю
Ноги твои, как в мех.

Некою тканью под ноги
Стелюсь... Не тот ли (та!)
Твари с кудрями огненными
Молвивший: встань, сестра!

26 августа 1923

2

Масти, плоченные втрое
Стоимости, страсти пот,
Слезы, волосы, — сплошное
Иструение; а тот,

В красную сухую глину
Благостный вперя зрак:

— Магдалина! Магдалина!
Не издаривайся так!

31 августа 1923

3

О путях твоих пытаться не буду,
Милая! — ведь все сбылось.
Я был бос, а ты меня обула
Ливнями волос —
И — слез.

Не спрошу тебя, какой ценою
Эти куплены маслá.
Я был наг, а ты меня волною
Тела — как стеною
Обнесла.

Наготу твою перстами трону
Тише вод и ниже трав.
Я был прям, а ты меня наклону
Нежности наставила, припав.

В волосах своих мне яму вырой,
Спеленая меня без льна.
— Мироносица! К чему мне миро?
Ты меня омыла,
Как волна.

31 августа 1923

* * *

С этой горы, как с крыши
Мира, где в небо спуск.
Друг, я люблю тебя свыше
Мер — и чувств.

От очевидцев скрою
В тучу! С золою съем.
...С этой горы, как с Трои
Красных — стен.

Страсти: хвала убитым,
Сушим — срам.

Так же смотрел на битву
Царь — Приам.

Рухнули у — стои:
Зарево? Кровь? Нимб?
Так же смотрел на Трою
Весь О — лимп.

Нет, из прохладной ниши
Дева, воздевши длань...
Друг, я люблю тебя свыше.
Слышь — и — встань.

30 августа 1923

ОВРАГ

I

Дно — оврага.
Ночь — корягой
Шарящая. Встряски хвой.

Клятв — не надо.
Ляг — и лягу.
Ты бродягой стал со мной.

С койки затхлои
Ночь по каплям
Пить — закашляешься. Власть

Пей! Без пятен —
Мрак! Бесплатен —
Бог: как к пропасти припасть.

(Час — который?)
Ночь — сквозь штору
Знать — немного знать. Узнай

Ночь — как воры,
Ночь — как горы.
(Каждая из нас — Синай

Ночью...)

10 сентября 1923